

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ: *реч. Москва - 1997, - 24 июля - 97* Я обречена на конфликты с героями СВОИХ КНИГ



ФОТО ИТАР-ТАСС

“Мы Чернобыль не забыли, мы его не поняли. Что дикари могли понять в молнии?” Это слова инженера-химика, одного из героев книги Светланы Алексиевич “Чернобыльская молитва”, выпущенной на днях издательством “Остожье”. Издание маленькое, темно-бордовое, как молитвослов, чтобы легко было носить книгу с собой и читать где придется. Но где попало читать книги Светланы Алексиевич невозможно. Она автор пяти документальных хроник, из которых две — “У войны не женское лицо” и “Цинковые мальчики” — стали открытием современной литературы. “Последние свидетели” и “Зачарованные смертью” известны тем, кто следит за работой белорусской писательницы. Теперь — “Чернобыльская молитва”. О чем?

— О жизни. Даже не о человеческой жизни, а о живом вообще. Потому что мое самое сильное впечатление от Чернобыля — это биогики. Около 300 ям, где закапывали расстрелянных зверей, коров, собак, кошек. Когда люди уезжали из мертвой зоны, животных убивали. И там, стоя над могилом, как над мертвой землей, очень остро чувствуешь приближение другого мира, другого опыта. Ведь Чернобыль — это опыт столкновения людей с загадками следующего тысячелетия. Я все время чувствовала, что пишу о том, чего не было. До Чернобыля казалось, что самое страшное — это война.

— Как вы искали героев вашей книги?

— А какая проблема найти чернобыльцев в Белоруссии! У писателя, который занимается массовым сознанием, то есть искусством, которое валяется на улице, нет проблем поиска. Да у нас каждый человек — кусок истории. Из 10 миллионов белорусов пострадало более 2 миллионов. Выселены 500 деревень и поселков. (Для сравнения: немцы в войну сожгли 615), сейчас 2,1 миллиона людей так и живут на зараженной территории, из них 700 тысяч детей. Тысячи людей участвовали в ликвидации последствий аварии. Вся Белоруссия — чернобыльская лаборатория.

— Тогда каким образом вы выбираете героев будущих книг?

— Я обычно занимаюсь книгой 3 — 4 года, опрашиваю 400 — 500 человек. В книгу входит только каждый пятый. Я искала людей, потрясенных Чернобылем.

— После публикации “Цинковых мальчиков” герои подали на вас в суд. Такое впечатление, что после выхода всех ваших книг отношения с героями складывались очень драматично. “Чернобыльская молитва” еще не была издана, а вам уже предсказывали скандал. Вы можете это объяснить?

— Труд интеллектуала, если он честный, в том и состоит, чтобы додумывать вещи до конца. Это значит, что я обречена на столкновение с героями книги. Я была рядом, когда мать солдата цеплялась за гроб сына и кричала: “Где ты, ведь гроб такой маленький, а ты был такой огромный”. И эта же мать два года спустя подает в суд с иском о защите чести и достоинства. Потому что она хочет, чтобы ее сын был героем, а не убийцей.

— Обращались в суд только матери или солдаты тоже?

— Было несколько обращений самих афганцев, но они, по-моему, время от времени встречались до суда, им

было стыдно. Нельзя сказать, что они не хотели знать правду. Понимаете, в момент боли, страдания человек поднимается до самых высоких своих вершин. А во всем остальном он может оставаться обывателем. Вы спрашиваете, как я выбираю героев. Одна мать меня просто потрясла, когда я писала о Чернобыле. Она говорила о своем мертвом ребенке, родившемся без пальцев: “Пусть бы у нее хоть пальчики были, она же девочка!” В этот момент она говорила языком самого высокого искусства и была равна Достоевскому, Толстому. А обсуждая со мной какие-то проблемы, оставалась обычной женщиной со средним сознанием, средними представлениями. Но я то не могу соответствовать сознанию каждого конкретного человека. В книге — хор из многих голосов, симфония, создающая образ времени. Я выхватываю и записываю то, что отмечает мое сознание, что мне близко. И это выхваченное — не только их, но и мое. Люди в книге себя просто не узнают, как можно услышать себя по радио и не узнать.

С “афганскими” матерями — особый случай. Потому что когда женщина говорила со мной о своем горе, она была искренна, а потом время прошло, ее закрутила индустрия патриотизма, мысли ее изменились. Белоруссия ведь патриархальная страна, резервация социализма. К нам приезжаешь, как в прошлое, лет на 25 назад. Все, как в 70-е годы: чисто, аккуратно, бедно и соответствующий уровень мышления. У нас много коммунистических организаций, и с матерями, подавшими в суд, просто велась работа. Им объясняли, что демократы разрушили святые, что их дети продолжили дело отцов, а она написала, что убивали. Уже шла война в Чечне, когда я встретила одну из солдатских матерей, и она сказала мне, что только теперь поверила: эти солдаты не похожи на солдат 45-го года. Конечно, представить своего сына, мальчика с гитарой, убийцей она не могла. Но думаю, что в любом случае столкновение писателя и героев предопределено, потому что писатель занимается демифологизацией действительности.

— После выхода первой книги “У войны не женское лицо” вас обвиняли в натурализме.

— И в натурализме, и в пацифизме. Два года книгу не печатали, года не пришел к власти Горбачев. Обвиняли в том, что я показываю женщину с оружием, убивающую. До тех пор женщина на войне украшала лейтенантский быт, была матерью, сестрой милосердия. А у меня героиня, что

пленных немцев они закалывали шомполами, потому что у каждого из партизан в семье кого-то замучили. И она помнит, как от боли у немцев лопались глаза. А женщина-водитель описывает, как она в Сталинграде вела машину по трупам врагов. И когда слышала, как лопались черепа, была счастлива. Это трагедия, огромная трагедия маленького человека, вынужденного решать для себя великие вопросы. Конечно, такой взгляд разрушал мифы.

Я пришла к войне как человек другого поколения и обратилась к ней как к возможности духовного познания не одной, а разных сторон человеческой жизни. И даже тема “цена победы” была недостаточной, ведь ясно, какой ценой народ заплатил за победу. Иное дело — узнать, сколько человека в человеке и как это можно защитить.

“Цинковые мальчики” — книга о спрятанной войне. Сначала на меня обрушились военные газеты. После очередной статьи мне позвонил один из героев книги, полковник. Пришел ко мне чуть не плача: честное слово, это не я писал. Отец его, военный, сказал, что от него откажется. Его обещали выкинуть со службы. И письмо в газету за него написали. Понимаете, какому давлению мои герои подвергались? Конечно, я не могла их выдать, назвать их фамилии, приходилось все на себя принимать.

— Как вы думаете, скандалы могут повториться с “Чернобыльской молитвой”?

— У нас в Белоруссии все может быть...

— А в Белоруссии книга издана?

— Отрывки были напечатаны. А вообще меня не печатают — у нас все газеты президентские. Причем печатают по двум причинам: во-первых, как оппозиционно настроенного человека, а во-вторых, власти очень хочется утешить, убедить, что все хорошо. Но ведь если 2,3 миллиона человек живут на зараженной территории, моя книга формирует и их самосознание. Люди начинают что-то требовать, вопрос “что делать” опять возникает в обществе. А власти это не надо. И у вас, и у нас ценность человеческой жизни невысока.

— Трудно поверить, что бы проблема “Чернобыль” не обсуждалась.

— Нет, проблема звучит, у нас есть независимые ученые, публицисты. Но власть этот вопрос ставит так, как ей выгодно. Вот пенсии дали чернобыльцам — позаботилась власть, вспомнила. Еще хорошо поставить эту проблему перед Западом в смысле “дайте”. И тогда власти будет что делить. Для народа спасен другой подход, обеспеченный офици-

альными учеными, которые пишут: не волнуйтесь, время прошло, еще ничего не известно, может, на этих территориях как-нибудь и можно жить.

— Мы начали говорить о совсем другой проблеме: “Писатель и власть”. Думаю, что в мире знают маленькую страну Беларусь именно потому, что там живет писатель Светлана Алексиевич. Ваши книги издавались за рубежом?

— Да, в 17 странах. “Чернобыльская молитва” уже выпущена в Швеции и Германии.

— По-моему, это лестно властям. Вашей работой кто-нибудь интересовался из официальных лиц? Вам мешали или помогали собирать материал?

— Да никому это не нужно, мешать! Когда вышла книга “У войны не женское лицо”, при Горбачеве я получила орден “Знак Почета” и со мной вынуждены были считаться. Потом у нас было междувластие. Три силы: демократическая, национальная и коммунистическая, но никто не обладал в тот момент реальной властью. Мне звонил премьер-министр Кебич, кто-то на меня в суд подавал, кто-то защищал — шла борьба. Теперь у нас установился режим личной власти со всеми атрибутами и социалистической символикой. Власть еще с нами, писателями, со мной и Василем Быковым, не разобралась, руки не дошли. Сначала надо разобраться с политическими противниками. Теперь Лукашенко взялся за независимые институты, есть целая программа возврата к прошлому. Потом на очереди интеллектуалы. И не надо обольщаться, мы не представляем такую уж опасность, потому что не обладаем таким влиянием на политические процессы, как раньше, когда писателей вызывали на Политбюро.

— Значит, если писатель ждет гонений, у него мания величия?

— Конечно. И не только потому, что сейчас не бывает миллионов тиражей книг. Только в тоталитарном обществе писатель имеет такое значение. Если бы мы жили в нормальной общине, где литература — искусство, а не политика, то мы просто занимались бы своим делом, размышляли. Мы, белорусы, первые люди на Земле, с которыми произошла такая катастрофа, надо все это понять, осмыслить. И это гораздо интереснее, чем на баррикадах.

— Сейчас вы чувствуете себя на баррикадах?

— К сожалению, да. Так устроено, что работы писателя все время приобретают политический характер, участвуют в противостоянии. Это ненормально. Жизнь гораздо глубже политической распри. С баррикад мир вообще выглядит проще и неинтереснее. Мне бы давно хотелось отсюда уйти, но не получается. Хотя очень устала жить в мире, где люди делятся на коммунистов и демократов, эгоановцев и гайдаровцев. Человек гораздо сложнее.

— Уйти — куда?

— Иное дело, к своим героям, в одиночество. Думаю, что вообще настает время одиночества, освобождения от толпы. Когда ты в толпе, то ищешь готовые ответы, лозунги. А надо задуматься, пройти путь наработки новых ценностей, переосмысления культуры. Ведь так все перепуталось и у вас, и у нас: добро со злом, страх с ненавистью... Весь мир меняется, цивилизация приобретает новые краски. А у нас все одна проблема: как заплатить людям за платить, кто в какой партии.

— Какова была реакция на ваши книги в других странах?

— Разная, в зависимости от того, какова история страны. В Германии острая реакция на военные книги, у них проблемы собственной истории. Во Франции, где еще не изжит комплекс Алжира, запомнились “Цинковые мальчики”. В Америке тоже была своеобразная реакция на эту книгу, поскольку там свой вьетнамский синдром. В Англии людей интересовало: что же это за страна такая кошмарная, что там за люди? Очень много говорят в Швеции о Чернобыле, больше, чем мы. Их больше интересует космическая катастрофа, а нас — социальная.

Конечно, всех волнует вопрос, что мы за люди, что за страна. Хотя одно время русский вопрос был снят. Теперь никто опять ничего не понимает: у нас невыскапавшийся оператор или просто некавалифицированный человек может сотворить мировую катастрофу. Просто уснет, и...

Самое потрясшее в книге Светланы Алексиевич — объявление. Подлинное объявление из газеты: “Киевское бюро путешествий предлагает поездки в город Чернобыль. Посетите ядерную Меку...”

Встречалась Ксения КЛИМОВА.